

ЛАУРЕАТЫ АНТИБУКЕРА-98

Андрей Волос пишет о потерянном рае

Мария Ремизова

ЛАУРЕАТ премии «Братья Карамазовы» Андрей Волос обозначил жанр «Хуррамабада» как «роман-пунктир». Как правило, нетрадиционные определения кое-что говорят об авторе, реже о положении дел в литературе и почти никогда о самом произведении. Данный случай — то самое редкое исключение. «Хуррамабад» представляет собой ряд новелл, сюжетно как будто не связанных между собой, однако объединенных временем и, главное, местом. Хуррамабад — мифический город счастья тюркских легенд. Под этим именем Волос описал Душанбе — краткую по сравнению с вечностью историю прихода и ухода русских.

Первая, вводная, новелла заставляет читателя проделать долгий путь на кладбище — старуха навещает могилу мужа, красного командира, посланца новой власти, по дороге вспоминая, как много лет назад ехала к нему сюда, в неизвестность... Последняя, своеобразный эпilog, представляет семью репатриантов, бьющихся среди российской грязи и настороженного недружелюбия

новых соседей за право устроить новую жизнь на родине, которая пока остается для них чужой.

Между этими точками — разрушающаяся, обезумевшая жизнь Хуррамабада-Душанбе, где старуха молча протягивает торговцу треснувшую пиалу, *потому что больше у нее ничего нет*, и — получив отказ — так же молча отходит, где нет больше денег, работы, жизни, зато есть кровь, ярость, смерть. Безумие политики, вовлекающей в еще более страшное безумие толпу, которая никогда ничего не получит, потому что за нее уже получили все

что можно серьезные мужчины с пустыми глазами.

Между этими точками — боль. Об утраченном городе-рае, с которым невозможно расстаться, потому что любим, и в котором нельзя жить, потому что он стал городом-адам. О людях, по которым, сминая хрупкие кости, катится и катится колесо равнодушной истории, и ветер, занесший сюда когда-то их ли самих или предков, уже не вынесет обратно ни прожитых жизней, ни оставленных здесь могил.

Лучшие произведения русской литературы всегда ориентировались не просто на судьбу личности, но прослеживали связь этой частной судьбы с судьбой страны и народа. Традиционный русский герой — заложник истории, заложник исторического и идеологического осмысления мира. Волос следует по этому пути, позволяя — и заставляя — увидеть то, что не вымотришь в репортажах и не вычитаешь в газетных строках.

Двигаясь действительно словно пунктиром, он показывает сквозь увеличительные стекла *другую жизнь*, нам здесь неизвестную. Если проявлять к этой жизни свойственное нам ленивое нелюбопытство, то, может статься, нечто подобное случится и здесь. ■

Неизвестная сагита, -1998, -1998, -23 дек. с. 4